

Мороз, Гарин Сергей

● В кино он оказался удачливым соперником Олега Янковского

рую сыграть Гамлета, дожить до Лира. Мое мечтание... неактивное. После Школы-студии иной раз мелькало в мыслях: неплохо бы когда-нибудь вернуться к роли Лопухина. Лежала себе в «мозговом компьютере» мысль неактивированная. И с Митей Карамазовым так же, меня ведь и в «Современник» взяли за его монолог. Роль во мне лежала. Потом вдруг само приходит... Но не дай бог что-то специально сделать: попросить, выбить.

Страшно люблю характерные роли. В «А поутру они проснулись», Маркеранец в «Механической сюите». У Юрия Кары играл Бездомного...

— В том самом «Мастере и Маргарите», который так никто и не увидел. Зато неприятностей, говорят, у всех «съемщиков» было хоть отбавляй.

— Могу об этом рассказывать долго, из суеврия не буду. Когда Бортко пригласил сниматься на роль Афрания, отказался — не хочу в эту реку вступать дважды. Есть произведения, не теряющие, чтобы их трогали. У них энергетика

темпераменту, и в театр помог тебе попасть, и у Фокина ты Митю играл.

— Не получилось у меня. Хорошие отзывы были, но знаю: не сыграл, как должен был, и ожиданий Фокина не оправдал, хоть он не говорил этого. Возможно, монолог, с которым я поступал в театр, слишком во мне сидел. А Фокин делал свой спектакль. Не срослось. Тогда понял: не стоит возвращаться к сыгранному когда-то. «Никогда не возвращайся в прежние места».

— В последнее время в кинематографе ты сыграл ряд по-настоящему прорывных работ, отмеченных премиями и наградами. И вот что удивительно: роли второго плана несколько не уступают по значимости главным. К примеру, твой контуженный на Кавказе полковник Тимур Курбатович из фильма Толеровского «Мой свод-

«Маленькие роли многому научили. Но если вижу: работа предложена из-за фамилии — говорю режиссеру: «Роль скотчевая, вырежи ее, склей — ничего не изменится»

Сергей ГАРМАШ:

О море, а играл ветер

От кукольного театра до «Любовника» и дальше

зашкаливает. Вот сейчас ехал на машине и слушал: какой-то израильский физик придумал машину времени. Теоретически доказали, что прыжок во времени осуществим...

— И какое бы время ты себе выбрал для комфортного проживания?

— В Школу-студию вернулся... Той студии-то уже нет. Мы поступили последними к Вениамину Захаровичу Радомысленскому, наш курс последним сыграл в старом здании, выпустился там. В прошлом году устроили встречу выпускников. Было здорово... до слез.

— Ты говоришь об энергетике, а я думаю: такого буйного, непомерного темперамента, как у Гармаша, не сыскать. Как каша из горшочка... Не приходится самоограничиваться?

— А как без темперамента в нашей профессии?

— В наше время актеры играют только в среднем регистре, где ты видел мочаловский разлет страстей?

— Мы с тобой вместе видели фильм «Первые на Луне». Картина по форме придумана здорово. Но сопереживать некому. А для меня эмоциональный момент первостепенен. Хочу сочувствовать, прочувствовать до мурашек.

— Наверное, твой главный автор — Достоевский? И по

ный брат Франкенштейн» вдруг становится камертоном картины, ее высшей болевой точкой.

— У меня нет мании величия. Мол, вот дожил до права выбирать исключительно значительные роли. Чепуха. В прошлом году сыграл у Мелькумова в сериале роль, которая составила всего половину съемочного дня.

— Если ты имеешь в виду эпизод в «Брежнев», то он сыгран столь выразительно, что запомнился больше прочих главных. В эти несколько минут (человек прорвался к генсеку, чтобы добиться правды, но сердце не выдерживает, и он умирает) втиснулась судьба.

— Маленькие роли меня окрылили. Первую «Нику» получил за эпизод у Соловьева в «Нежном возрасте», вторую — за «Франкенштейна».

— Зато «Орла» за особиста в «Своих» получил как за главную роль, хотя кто там не основной?

— Вот видишь, многие не понимают, а это просто. В титрах картины написано: Ступка, Хабенский, Гармаш, Евланов. Все.

— Но на главные награды претендовали еще и Анна Михалкова с Натальей Сурковой...

— Я не исхожу из дистанции. Маленькие роли многому научили. Но если вижу: работа

предложена из-за фамилии — говорю режиссеру: «Роль скотчевая, вырежи ее, склей — ничего не изменится». Дело не в количестве текста. Есть фраза, которую можно впечатать, чтобы сердце екнуло?

— Ты своим коротким ролям сочиняешь длинные судьбы?

— Обязательно. Для меня это необходимая часть работы. Предложили мне роль муровца в комедии. Надо вязать, мочить. А он — неудачник Епиходов. Режиссер мне параллели с Кристофером Уокеном из «Мышиной охоты» проводит. У него там разные прибамбасы механизированные, усы, бороды. А я ему: «Нет. У него дипломат, и в нем две фотки: одна — Высоцкого, другая — Светличной из «Бриллиантовой руки». Два идеала: Мужик и Баба. Это уже судьба.

— У Лунгина ты неожиданно стал евреем Яшей, причем сильно пьющим, а в комедии Мехсиева «Механическая сюита» — безвольным инженером в очках.

— Маркеранец — мастер на заводе. Жена ушла, товарищ попался непутевый. Фантазировать вместе с режиссером можно, только если с ним совпадаешь. Мне в последнее время очень везло с режиссерами.

— Иногда на фестивалях дают приз за актерский ансамбль. Я бы обязательно отметил лучшего дуэт последнего времени: вашу работу с Олегом Янковским в «Любовнике». Там одна роль играет другую — редкая гармония.

— Мы были знакомы поверхностно. Приезжаем на «Шапку» — первый съемочный день. Носидели минут 20. Олег Иванович говорит: «У нас завтра три сложные сце-

ны, может, сорвемся, порепетируем?». Я аж подпрыгнул, мы сразу с банкета уехали, до четырех часов утра репетировали. Чувствовал себя так, словно учились вместе с первого курса. Считаю его настоящим мэтром, способным держать планку. Но если он что-то мне подсказывал, то просто требовал того же от меня.

— В кино снимаешься без перерыва. Приобретаешь, но ведь и что-то теряешь при подобном темпе? Чрезмерной опытности опасаясь, актер Актертейч — предсказуемых, мастеровитых.

— Но я же глупее становлюсь с возрастом. Пытаюсь как-то идти в ногу со временем, развиваться, читаю много. У меня два хобби: чтение и лень.

— Существует ли понятие «цена роли»? Достается она легко или мучительно — как это влияет на результат? Знаю, что в начале съемок «Своих» ты сломал ключицу, потом работал на анальгетиках...

— Цена роли, безусловно, существует. Бывает, что результат — никакой, зато процесс становится фактом твоей биографии. Снимали «Чонкина» в Чехословакии с режиссером-оскароносцем Иржи Менцелем. Работа незабываемая, роль-мечта: Миляга... А

фильм не получился. Что же касается процесса, то главными для меня были картины Валима Абдрашитова. Не важно, кто и как к ним относится. Для меня все его фильмы — удивительная школа. Не только погружение в глубинные проблемы, они учат тому, как снимать кино, во всех нюансах. К нему готов бежать на четверть съемочного дня. Он — Учитель. Когда роль становится частью твоей жизни — это цена. Если нет, то независимо от кассы, успеха роль обесценена.

— Что открыл в актере Гармаше Валим Абдрашитов?

— Он, как волшебник, умеет заглянуть тебя в историю, начинаешь, как ребенок, верить в происходящее по ту сторону экрана. Говорит о персонаже в третьем лице. Игрую Ивана — он так рассказывает про него, что Иван этот третьим материализуется в нашем номере. Абдрашитов включается в процесс настолько, что вокруг возникает магнитное поле, не загореться невозможно. Нет, рассказать о нем нельзя, он из породы необъяснимых режиссеров.

— Круг твоих любимых авторов: Гоголь, Салтыков-Шедрин, Булгаков, Войнович. Чтобы и фарс, и драма, и трагикомедия...

— Скоро выйдет фильм «По следам «Мертвых душ». Арабов и Лунгин соединили семь или восемь произведений Гоголя, придумали с ними детективную историю. Моя роль состоит на 70% из Городничего и на 30% из Губернатора. Это не сериал — это встреча с Гоголем.

— В общем, профессиональная карьера задалась. Мальчик, мечтавший бежать из Херсона сначала с цирком-шапито, потом в мореходку, стал всенародно известным артистом. Хотя в драмкружках не занимался, только в кино с уроков сбегал. Но какой же мальчишка не бегал на «Фантомаса» или «Золото Маккенны»? Чего было больше — случайности или предопределенности? И отчего ты дочь не пускаешь в артистки?

— Знаешь, я не сапрап, чтобы ограничивать свободу. Если суждено, окажешься в профессии так или иначе. Я пришел неосознанно. По-моему, Циолковский вывел теорию: как важно в молодости, перепробовав многое, понять, чем именно должен заниматься. Матисс начал писать в сорок лет, Комиссаржевская играть — почти в 30. Но если бы у меня была сейчас возможность все бросить, перебраться на какую-нибудь океанскую яхту... Я бы так и сделал, хотя, думаю, даже близкие меня бы не поняли. Не веришь? Выполнив все обязательства — у меня родители, семья, — прожить оставшуюся часть жизни в море... Ведь море — мечта, которая никуда не ушла. Но это не исключает моей преданности делу, которым занимаюсь всю сознательную жизнь.

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

«Спасибо «Каменской», после 40 ролей в кино именно Коротков принес мне, скажем так, известность»